

Виктория Левина

г. Ришон ле-Цион, Израиль

Тортугеро¹

В Карибском море – дождь стеной,
сплошным потоком!
Проходят лодки по одной каналом тесным.
На остров – сваи на волнах –
под шквал потопа
меня причалил Голиаф с лицом индейским.

Покрыты смуглые тела рисунком белым.
Они в чём мама родила – с повязкой узкой.
Под яростный тамтама
бой срывалась с тела
и развевалась над толпой шальная блузка...

Плясал весь остров в стиле ню –
леса смотрели,
как убивалась на корню суть воспитанья!
Плескалось виски на столах... глаза горели...
менялось в мангровых лесах самосознание...

Теперь я знаю, как живут на Амазонке, –
горит душа, одежды жмут
в индейском танце!
Мы покидали племена – на сваях тонких
плясала девушка одна для иностранцев...

¹Тортугеро – национальный парк в Коста-Рике, охватывает значительную территорию площадью 31 200 га, покрытую дождевым лесом, практически не тронутую человеком. Добраться до парка можно только на воздушном или речном транспорте.

В игольное ушко верблюжьей башкою

в игольное ушко верблюжьей башкою
под пение рака и свист воровской
была вероятность примерно такую
прибиться к тебе горемычной судьбой

мы дули на воду нам бабки гадали
на блюде где воск растекался свечной
семь раз предавали семь раз убивали
чтоб сбрызнуть однажды водою живой

родившись вторично встряхнувшись от мути
отбросив лохмотья стыда и вранья
коснулись однажды друг друга две сути
любовью голодные страстью горя

съедаемы страхом дрожащие в боли
боясь говорить обнимать целовать
как звери из клетки как птицы в неволе
забывшие бег разучившись летать

и вот на совместной широкой подушке
спят два истукана довольные всем
и морда верблюда в игольное ушко
проходит с улыбкой без всяких проблем

Встреча в Питере

– Здравствуй! Приехали.
Выглядишь классно!
– Ночь напролёт не спала от волнения...
– Чудно доехали. Поезд прекрасный!
– В Питере холодно до опупения!
– Мужу найдётся дублёрка заёмная?
Он задубеет под питерским ветром!
– Лучше такси. Чемодан неподъёмный...
– Как же нас всех разбросало по свету!
– Ну, наготовила! Впрочем, с мороза...
Ты говоришь, что летит с Белоруссии?
Поездом? Сбрендила! Лётным извозом
Проще и лучше. Чудила, Натуся!

– Бабы! Да сколько же мы не встречались?
– Скайп подключаю на Америку! Танька!

– Что пригорюнилась? Выпьем не чаю.
– Ну-ка, единственный муж, наливай-ка!

– Витка, готовься – в Израиль приедем!
Хохот и смех после стопочки пятой.
Долго в тот вечер не спали соседи,
Слушая песни из семидесятых...

Брюссель. Писающий мальчик

В Брюсселе славном среди многих баров –
нет-нет, да и попробуешь бокальчик....
И возникают мысли, что недаром
кумир столицы – писающий мальчик!

Толпой туристов окружённый вечно
(и плотно так, что еле протолкнулась!),
стоит себе и писает беспечно
в корытце, что под статуей приткнулось...

И весело народу, и забавно
(и, несомненно, продолжаться будет),
что писает так долго мальчик славный
веками напролёт на радость людям!

От выпитого пива так хотелось
мальчишкой шаловливым оказаться
в Брюсселе чудном, –
с крепким медным телом
над комплексом условностей смеяться!

Пойду в дворы соседних ресторанов
(там, говорят, сидит его сестрёнка) –
традицию курфюстов и тиранов
там продолжает медная девчонка!

Душа моя – девушка странная...

Душа моя – девушка странная...
В упитанном теле начальственным
живёт себе девочка страстная,
любовью дарящая царственно!

Душе моей многое ведомо:
желать – до озноба гусарского,

сражаться – до гимна победного,
неся непохожесть бунтарскую!

Душа моя высью ужалена,
земной тягомотиной мается!
Свободной и вольной изваяна,
по свету, солоха, болтается...

Стихами болеет, сердешная,
любовью, как зельем, отравлена!
Живёт – и святая, и грешная! –
душа моя, девушка странная...

В японском ресторане

Самураем японским в бою кулинарном
он явился на подиум. Полем для битвы
были восемь тарелок с орнаментом странным.
Острым был его нож, словно лезвие бритвы!

На улыбку японскую были надеты
предвкушение чуда, сознание власти...
Так, из воздуха, вдруг появлялись предметы –
горстки риса и тушки кальмаров! И счастье

поглощать источали голодные очи!
В это время над платой² креветки летали,
рис дымился, супы – ароматные очень! –
всю палитру приправ на столы источали!

Нужно было смотреть, как верченье ножами
превращалось в корриду с хвостами креветок,
а японские соусы – вкуса цунами! –
лёгкой пеной ложились на грудки насекомых,

как сырое яйцо с высоты двухметровой
было словлено дном колпака поварского...
Это было свежо, интересно и ново, –
точность трюка и ража пример циркового!

В это время сакэ³ разливалось в бокалы,
добавлялось вино и лимонные корки...
Это было недавно, в Манхэттене, справа
от Empire State Building, летом, в Нью-Йорке.

² Плоская кулинарная большая плита, на которой, раскалив её до высокой температуры, производят кулинарное действие.

³ Национальный японский алкогольный напиток, во вкусе которого могут присутствовать хересные и приятно-горьковатые тона, нотки винограда, яблок и бананов.